

Петр Боборыкин

У романистов

Петр Боборыкин
У романистов

«Public Domain»

1878

Боборыкин П. Д.

У романистов / П. Д. Боборыкин — «Public Domain», 1878

«К какой бы национальности ни принадлежал человек, будь он хоть самый завзятый немецкий или русский шовинист, он все-таки должен сознаться, приехавши в Париж, что дальше уже некуда двигаться, если искать центр общественной и умственной жизни. Мне на моем веку приходилось нередко видеть примеры поразительного действия Парижа на людей самых раздраженных, желчных и скупающих. В особенности сильно врезалось в память впечатление разговора с одним из наших выдающихся литературных деятелей, человеком не молодым, болезненным, склонным к язвительному и безотрадному взгляду на жизнь. Он, кажется, лет до пятидесяти не выезжал из России. Болезнь погнала его за границу, где он сначала жил на водах и на юге, а под конец попал в Париж...»

© Боборыкин П. Д., 1878

© Public Domain, 1878

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Петр Дмитриевич Боборыкин

У романистов

(Парижские впечатления)

I

К какой бы национальности ни принадлежал человек, будь он хоть самый завзятый немецкий или русский шовинист, он все-таки должен сознаться, приехавши в Париж, что дальше уже некуда двигаться, если искать центр общественной и умственной жизни. Мне на моем веку приходилось нередко видеть примеры поразительного действия Парижа на людей самых раздраженных, желчных и скучающих. В особенности сильно врезалось в память впечатление разговора с одним из наших выдающихся литературных деятелей, человеком не молодым, болезненным, наклонным к язвительному и безотрадному взгляду на жизнь. Он, кажется, лет до пятидесяти не выезжал из России. Болезнь погнала его за границу, где он сначала жил на водах и на юге, а под конец попал в Париж. И даже этот русский скептик, способный на все ворчать, должен был признать, что в Париже дышится легко, что одна картина уличной жизни уже приятно щекочет нервы, что, словом, лучше Парижа не найдешь города. Все это я говорю не затем, конечно, чтобы вдаваться в старомодное и смешное увлечение «заграницею», французами и их «всемирным» городом. Признаюсь, я лично никогда недолюбливал той *французомании*, которой одержимы очень многие русские из так называемого образованного класса. Мне случалось довольно давно и в легких фельетонных заметках, и в отдельных статьях нападать на нашу светскую страсть к французскому языку, как известному внешнему лоску, связанному с сословным духом. Я старался всегда доказывать на фактах, что русские, употребляющие обязательно французский жаргон, в сущности, вовсе не любят Франции. Если им приятно в Париже, то потому только, что там все их пустые наклонности, все их барское шалопайство находят для себя обильную пищу. Ни один из таких русских не проходит через хорошее влияние Парижа, не способен слиться с тамошней умственной, политической и социальной жизнью. Все наше «высшее» общество держится французского жаргона, как *сословного отличия*. Дух Франции, который сделался симпатичен развитому меньшинству русских, для нашей светской среды – или совсем неизвестная область, или нечто вредное, антипатичное и разрушительное. На эту разницу в отношениях к Франции, к Парижу наши публицисты недостаточно указывают, и напрасно. Не одни публицисты должны это делать, а также и беллетристические писатели, романисты и драматурги. Если бы всем и каждому было ясно, что внешний французский лоск нашего барского общества есть только известное сословное клеймо, отличие касты, образчик условной порядочности, тогда все это потеряло бы обаяние даже и в глазах менее развитой массы. По этой части типы из «порядочного» общества представляют большой комизм. Поживите вы во Франции, поработайте там, войдите в интересы лучшей доли французского общества, и, вернувшись в Петербург или Москву, вы будете поражены тем, как далеки все употребляющие у нас французский язык от всего, что вам дорого в гении и свойствах французского народа. Французский язык этих русских порядочных людей почти всегда уродливый. Он состоит только из французских слов с огромным количеством русицизмов. Из десяти собеседников девять наверно (и мужчин, и женщин) не в состоянии поддержать на своем французском жаргоне серьезного разговора, ни политического, ни литературного, ни специального. Далее толков о новой оперетке, иногда о романе и о кое-каких внешних политических фактах, разговор не пойдет среди этих господ и госпож, обязательно употребляющих

французский язык. Сколько бы они ни ездили в Париж, он все-таки для них останется большим увеселительным местом. Он никогда на них не повлияет серьезной жизненной стороной.

Даже та область, куда мы теперь заглянем, касается русских приезжих и фланеров только с внешней стороны; они читают романы, но подняться до критического взгляда на них они не в состоянии. В сфере искусств – роман и театр принадлежат Парижу более, чем какому-либо городу в мире. И то и другое превратилось там в такой же ежедневный продукт, как газеты или свежий хлеб булочника. Эти легкие доступные формы человеческой мысли слепят глаза даже и более серьезным иностранцам. Из-за них трудно разглядеть ту внутреннюю неустанную работу мысли, которая происходит в разных уголках Парижа. Заезжий иностранец – русский и всякий другой – знает Париж бульваров и спектаклей. Ему нет ни времени, ни случая, а главное – нет охоты проникать в трудовые уголки. Он снимает только слизки блестящей, увлекательной жизни. Но если бы этот иностранец явился в Париж надорванный жизнью, с настоящей душевной хандрой или после какого-нибудь житейского испытания, после суетной жизни, с переворотами, с ударами судьбы, и в нем сохранились бы умственные силы и внутренняя порядочность, то, конечно, трудовой, мыслящий Париж обновит его скорее, чем какая бы то ни было столица в мире! Учиться можно везде, в любом немецком университетском городке, и найти там даже всевозможные тонкости эрудиции. Но нет такого города, как Париж, где бы человек, жаждущий обновления, сознающий большие пробелы в своем гражданском, мыслительном или художественном развитии, мог так легко сбросить с себя и равнодушие, и усталость, и умственную лень. Первый попавшийся трудовой француз, с каким он познакомится, покажет ему на примере собственной жизни, как следует идти вперед и добиваться своих целей, как переносить неудачи. Кто бы это ни был: ученый, артист, литератор, газетный сотрудник или политический агитатор, у каждого намечена дорога, каждому можно сделать карьеру, на все существует спрос. Правда, из тысячи человек только несколько десятков добьются своего, но в других странах из этой тысячи не дойдет до своего предела и одного десятка!..

Париж мысли, таланта и умственного труда занимает две топографические местности. Одна на правом берегу Сены, над бульварами, в улицах, ведущих к Монмартрским высотам; другая – на левом, в так называемом до сих пор Латинском квартале. По составу местность правого берега представляет собою более однообразный характер. Там живут литераторы всяких специальностей и оттенков, но уже люди профессии, составившие себе положение, или простые труженики прессы, но уже не ищущие больше других путей успеха и заработка. Там же живут и художники – и с именем и без имени. На левом берегу интеллигентное население гораздо разнохарактернее. Тут и студенты, тут и начинающие артисты и актеры, тут и молодые ученые, тут же и академики, профессора, специалисты и просто мыслители, живущие и совершенном уединении, не мечтающие о приманках Внешней карьеры...

Недавно в одной из книжек «Вестника Европы» Эмиль Золя набросал картину жизни и нравов современной парижской молодежи, которая из всех концов Франции стремится в Латинский квартал. Он отнесся к этой молодежи строго, но не придирчиво. Я знал ее с половины 60-х годов. Можно и тогда было сказать почти то же самое. Но эта общая картина все-таки не дает понятия о том, что такое мыслительная и трудовая жизнь на левом берегу Сены, где приютилась молодежь. И во Вторую империю, и теперь, при республике, масса студентов медицинской школы, юридической школы и Сорбонны жила и живет праздну. И до сих пор стоит вам только пройти или проехаться по главной артерии Латинского квартала – бульвару St. Michel – и вы увидите те же кафе, к вечеру битком набитые студентами, те же пивные с женской прислужкой (caboulots), тот же публичный бал Бюлле, где по воскресеньям и четвергам пляшут сотни студентов.

И провинциалы и парижане одинаково легко смотрят на студенческое время. Почти все они дети достаточных родителей и знают, что, кое-как взявши звание *licencié* (кандидата (фр.)) или диплом доктора, они найдут себе место, или папенька купит им контору нотариуса. Но

среди этой тысячной толпы гуляк, фланеров, «блягеров», любителей женского пола живут и молодые люди совсем другого типа. Их трудно узнать, но узнать можно. Стоит только походить в публичные библиотеки, читальни, на лекции. В течение четырех сряду лет, которые я провел в Париже, мне удавалось знакомиться с молодыми людьми такого именно типа. Не все они были бедняки: некоторым родители высылали по две, по три тысячи франков в год. Между ними, помимо людей даровитых и блестящих, я находил и отличных тружеников, необычайно выносливые натуры; некоторые поражали даже нас, русских, способностью к какой-то, не то что уж лихорадочной, а *сверхъестественной* деятельности. Один из таких французов погиб на моих глазах жертвой адски усиленного труда. Обыкновенно французские фельетонисты и писатели любят распространяться о той молодежи Латинского квартала, которая ведет жизнь *богеми*, мечтает о литературной славе, больше болтает, шумит и пьет, чем делает дело.

Поэт Мюрже связал свое имя с этим царством богемы, и до сих пор у всякого читателя при одном имени Латинского квартала возникают в воображении картинки разгульной, беззаботной жизни, попавшие и в стихи, и в рассказы, и на сцену. Но и тогда еще это не было вполне верно. Припомните, что говорит о богеме времен Мюрже товарищ его и приятель – французский беллетрист Шанфлери. Он в своих воспоминаниях уверяет, что и тогда и он, и его ближайшие приятели не предавались вовсе поэтическому ничегонеделанию: они были для этого слишком бедны; рядом с порыванием в область идеала нужно было подумать и о насущном куске. Только в то время романтизм накладывал на жизнь молодежи более яркий колорит, а теперь и в Латинском квартале царствует уже более трезвый, положительный дух.

Теперь молодежь распадается на два главных оттенка: или истинно трудовые люди, или же пустые фланёры, неспособные, вплоть до окончания курса, над чем-нибудь задуматься. Но и теперь есть кружки, стремящиеся к художественным наслаждениям, мечтающие о славе поэта, новатора в драме, романе и часто стихотворных произведениях. Несмотря на разрастающийся культ чувственных удовольствий, денег, мелкого честолюбия, мы видим, что в том же Латинском квартале зародилась новая семья молодых поэтов. Это поэтическое движение назрело в последние годы Второй империи. К половине 70-х годов один из парижских издателей мог уже напечатать большой том стихотворений, который он озаглавил «Парнас». В него вошли отдельные пьесы нескольких десятков молодых, начинающих поэтов. Между ними есть люди крупного дарования, как, например, Ришпен, уже известный русской публике в переводах. Меньшинство этой поэтической плеяды составляют поэты-колористы реального оттенка. Они не останавливаются ни перед какими смелостями, но не из желания вдаваться в какую-нибудь прозаическую односторонность, нет: они только ищут самых реальных выразительных форм, не пугаются никакой правды, но желают облекать ее в жизненные краски, действовать на читателя не сантиментальностью, не условными метафорами, а чем-нибудь новым, сильным, выхваченным из жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.